

— Невестка! — молчавшая до этого Кун Сюмей, казалось, от стыда вот-вот заплачет.

— Даху, правда, прости! — губы у нее подвигались несколько раз, в итоге только эти две фразы повторяла раз за разом.

Ван Даху естественно не позволит своей «будущей теще» потерять лицо, услышав это, лишь улыбнулся ей, а что до остальных! Он поднял голову и сказал этим двум выдающимся супругам:

— Эх! Что же теперь делать, эта еда бабушка велела мне отнести дедушке, вы ее перевернули, дед меня точно побьет!

Ян Ли, услышав, в сердце ахнула:

— Что? Эта еда не для Сюмей?

— Я только по дороге зашел посмотреть тетю, а потом собирался в сельский комитет, вы двое лишили деда обеда, как теперь быть? Скажу вам, не думайте, что вы не из нашей деревни, так можете меня обижать, моя старшая тетя именно из вашей деревни Кунцзятунь, слышал, еще она там чиновник!

У дедушки Ван Шоуминя в этой жизни всего трое детей, старшая — девочка, именно старшая тетя Ван Даху, больше десяти лет назад вышла замуж в деревню Кунцзятунь.

Это упоминание «старшей тети» полностью захватило жизненную нить этой пары.

Если говорить почему, то причина есть!

Ян Ли — эта женщина по натуре грубая и свирепая. По логике, такая женщина точно не прогадает в чужих руках, потому что она бешеная! Но очень неудачно её бешеность нашла того, кто ещё бешеной, а ещё более неудачно, тот ещё бешеный человек — именно её свекровь. Та старушка типичная «черная душа, чтобы тебя гром перебил, смерти не видать» (слова Ян Ли), конечно, кроме этого, есть еще момент: та старушка предпочитает мужчин женщинам. Ян Ли с шестнадцати лет начала рожать детей, до сих пор всего родила пять дочерей, ни одного сына. Так что её жизнь, можно представить.

Чем больше хочешь родить, тем не получается. Чем не получается, тем больше хочешь родить.

Но сейчас уже не несколько десятков лет назад, сколько хочешь столько и рожай «Поздний брак, поздние роды, меньше детей, лучшее качество» — эти восемь огромных красных иероглифов, на стене какой деревни не написаны.

Хочешь родить?

Пожалуйста!

Продавай землю, продавай дом, бей горшки, продавай утварь, только если штраф можешь заплатить, пусть рожаешь.

Поэтому Кун Даго и Ян Ли и проявили такую безнадежность, потому что реально «бедность!».

Поэтому в эти два дня они особенно боялись «старшей тети» Ван Даху.

Потому что очень неудачно, его старшая тетя именно в деревне Кунцзятунь известная как

бесстрастная «Маленький Золотой Феникс», «женский председатель деревни!»

Их смертельный враг.

— Ну, это... Даху... — Ян Ли заикаясь сказала: «Те... тетя, сейчас поднимет».

После этой фразы она даже присела на корточки, двумя руками начала собирать с земли еду.

Те черные руки плюс масляное пятно от еды.

Ван Даху почувствовал, что начинает тошнить, эта женщина не слишком ли глупая!

— Неве... невестка, это еще можно есть? — Кун Сюмей вероятно действительно не смогла смотреть, красными глазами срочно сказала.

Ян Ли вероятно только что была напугана Ван Даху, дрожащим голосом сказала:

— Я же не говорила еще старосте давать, я просто поднимаю, чего кричите!

Ван Даху смотрел на ее позу, как она на Кун Сюмей пыжилась, мысли, что хотел остановиться, сразу исчезли.

— Мне все равно, вы разбили мою еду, должны возместить, иначе я пойду расскажу дедушке!

Ван Даху глаза какие острые, точно увидел, что эти двое выдающихся особенно боятся «дедушку», конечно и хорошо использовал!

На лице Ян Ли сразу появилось недовольное выражение, но и не смеет с Ван Даху шуметь, только посмотрела на мужа сбоку, Кун Даго пробормотал пару ругательств, нехотя из кармана штанов достал один юань.

— Ребенок, дядя даст деньги, сочтем за возмещение этой еде!

Ван Даху глаза перевернул, тут же совершенно не стесняясь огрызнулся:

— Дядя, ты что, нищим подаешь? Один юань что может купить? Четыре лепешки, один пакет соленых овощей? В такой холод, ты что, пусть дед это ест?

Кун Даго, услышав, лицо сразу почернело. Даху его не боялся, поднял голову, вытянул шею, типичный вид «вымогателя».

Так что, под черным лицом мужчины и скрежетом зубов женщины, одна довольно новая 10-юаневая купюра попала в карман Ван Даху.

Быть вымогнутым ребенком размером с редьку до такой степени, явно этой паре в сердце было трудно спокойно, двое ругаясь еще немного постояли, оставили Кун Сюмей фразу: «Хорошо лечись», после этого серо убежали.

Ван Даху губы поджал, больше не обращал внимания на этих двух выдающихся.

Он повернулся к Кун Сюмей улыбаясь и сказал:

— Тетя вы подождите немного, я схожу в лавку куплю вам и Жаньжаню немного поесть...

— Нет, не надо, хороший ребенок, слишком беспокойно для тебя!

— Ничего страшного! — Ван Даху поднял ногу пошел к наружи.

— Да... Даху-гэ, — внезапно Ли Цинжань от матери выпрямился, к нему сказал: «Я с тобой пойду!»

Ван Даху от того «Даху-гэ» уже был на седьмом небе от счастья.

На месте глупо кивал головой раз за разом:

— Хорошо, хорошо!

Однако, когда до наружи подул холодный ветер, Ван Даху пожалел, потому что забыл, как тонкая одежда Жаньжана.

Ван Даху срочно шапку с головы, шарф, перчатки, всем набросил на него, если бы Ли Цинжань этот «вонючий ребенок» ни в какую не согласился, Ван Даху еще хотел свою ватную куртку на него набросить.

— Даху-гэ, только что спасибо! — из-под хлопкового шарфа раздался нежный голос Ли Цинжана.

Ван Даху хихикнул, по-вороньими глазами сказал:

— Жаньжань, твой тот дядя, тетя, точно не хорошие люди!

Ли Цинжань сильно кивнул, в нежном голосе полн злости:

— Все плохие люди, только и умеют bullied маму.

В это время Ли Цинжань еще далеко не будущий «холодный, отчужденный», как бы рано не созрел, все еще ребенок наполовину выросший, с таким же наполовину выросшим ребенком Ван Даху естественно быстро познакомились. Воспользовавшись этим случаем, Ван Даху и выудил немало о делах семьи Ли, только насчет «папы Ли» оба, казалось, намеренно или не намеренно игнорировали.

Ван Даху теми 10 юанями, что дал Кун Даго, в деревенской лавке купил два пакета вермишели, два пакета соленых овощей, маленькую банку консервированных апельсинов, несколько кусков сухой колбасы. Последний один юань, еще купил десять кусочков по 10 центов «мятной конфеты». Двое вернулись в медпункт, заняли печку семьи врача Сюя, Ван Даху сладким ртом не только получил согласие, но еще и выловил два яйца и маленькое кочан капусты.

Разогрел масло, обжарил капустные соломки, после того как вода закипела, яйца и нарезанную колбасу разбил внутри, потом кинул лапшу, через некоторое время, одна горшок ароматной, горячей «обеда» родилась.

После того как трое поели, врач Сюй пришел перевязать Кун Сюмей, сказал, что ей нужен отдых, пусть эти двое маленьких не шумят.

Ван Даху и Ли Цинжань снова вернулись в соседнюю палату.

— А-а-а-а-а, — Ван Даху открыл рот показывая.

Ли Цинжань посмотрел на него один раз, моргнул глазами.

Ван Даху засмеялся, треугольный кусочек сахара в руке сунул в тот маленький рот.

— Сладко?

— ...М-м!

Кун Сюмей в медпункте еще пролежала три дня, ноги только могли двигаться, тут же срочно пошла домой. А Ван Даху естественно стал «постоянным гостем» их семьи, каждый день ходил к Ли Цинжаню «играть». Среди нескольких раз видел Ли Чангуя, мужчину тридцать с лишним лет, очень изможденным, весь человек в заторможенном состоянии, как раз ушла та безумная сила, когда бил людей, увидев Ван Даху, еще к нему довольно дружелюбно улыбнулся, словно полностью не помнил, что его избил этот ребенок до лица в кровь.

Так, миг прошло еще десять дней, дни дошли до тридцатого числа.

«Праздник Весны» для большинства простых людей, это самый важный день в году, также день reunion всей семьи, до этого дня неважно, ты на юге неба или на севере земли, все сделают одно и то же дело — это вернуться домой.

Староста деревни Синье, Ван Шоуминь семья, естественно так же.

— Сыночек!!!!

Ван Даху в сонном состоянии только открыл глаза, как огромное мужское лицо, сильно напугало.

Мощный в плечах и талии мужчина ха-ха рассмеялся, поднял руку лежащего на канне вонючего парня поднял очень высоко.

— Говори! Скучал по папе или нет? — папа Даху, товарищ Ван Гуанцзун подмигивая спросил.

Текст не содержит авторских примечаний.

<http://bllate.org/book/16441/1490683>